

Конференц-фест «Страшные чтения»

(Тверской государственный университет, Клуб Big Ven,
Клуб «Ролевой чердак», 30 октября — 1 ноября 2024 года)

DOI: 10.53953/08696365_2026_197_7_427

Исследование страха как культурного и антропологического феномена требует особого внимания к его многообразным проявлениям и формам существования. Страх постоянно переступает дисциплинарные и контекстные границы, раскрываясь то как эмоция, то как инструмент управления, то как источник эстетического опыта. Страх воплощается в литературе и кинематографе, политике и повседневности, делая актуальным разговор о своей трансформации и многослойности. Эта сложная тема приобрела особую остроту на первом конференц-фесте «Страшные чтения», организованном кафедрой истории и теории литературы Тверского государственного университета. Состоявшееся в Твери мероприятие стало площадкой для осмысления страха, объединив исследователей, литераторов, переводчиков и поклонников хоррора.

«Страшные чтения» продолжают традицию, заложенную в 2014 году на конференции «Все страхи мира: *horror* в литературе и искусстве», которую профессор кафедры истории и теории литературы Александр Сорочан организовал совместно с коллегами из Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Псковского государственного университета и с которой начался проект «Неканоническая эстетика». Категории, к которым обращались участники десять лет назад, не утратили своей актуальности и, возможно, стали еще более значимыми в современных условиях. Чувство страха, описанное Г.Ф. Лавкрафтом как «наиболее древняя и наиболее сильная из человеческих эмоций», давно вышло за пределы жанровой литературы, проникнув в экономику, политику, философию, искусство и повседневный быт. В то же время страх остается универсальной категорией, способной объяснять и структурировать различные аспекты человеческого существования. Исследование страха требует междисциплинарного подхода: им занимаются историки, теоретики литературы, социологи, философы и искусствоведы. Конференц-фест стал площадкой, где эти перспективы встретились, чтобы осмыслить страх как феномен, лежащий на стыке культурных конструкций.

Особый интерес вызвали такие категории, как *horror* (ужасное), *weird* (странное), *uncanny* (отвратительное) и *eerie* (жуткое). Важный вклад в исследование этих понятий внесли работы Анастасии Липинской и Александра Сорочана, часть из которых опубликована в журнале «Новое литературное обозрение»¹. Понятия *weird* и *horror*, раскрывающие разные грани восприятия ужаса и мистического, постепенно усложняются и обогащаются новым содержанием.

Тема первого конференц-феста, «Человек и страх», позволила участникам рассмотреть различные аспекты осмысления ключевых понятий, вынесенных в название. Исследователи акцентировали внимание на важности изучения противо-

1 Липинская Н., Сорочан А. Этюды о странном (категория «weird» в современном литературоведении) // Новое литературное обозрение. 2020. № 5 (165). С. 345–363. Липинская А., Сорочан А. Этюды о страшном: хоррор в современных исследованиях // Новое литературное обозрение. 2021. № 6 (172). С. 301–316. Сорочан А.Ю. Странная классика: weird fiction и проблемы исторической поэтики. Тверь: Тверской государственный университет, 2020.

поставлений, которые помогают выявить сущность страха. Например, понятия «подлинного ужаса за пугающим лицом действительности», «мрачного удовлетворения собственной обреченностью» или «ужаса пробуждения», как их предложил истолковывать Р.П. Уоррен, нашли отражение в дискуссиях, состоявшихся в рамках мероприятия. Особое внимание уделялось современным подходам к изучению страха: обсуждение строилось вокруг таких тем, как влияние страха на массовое сознание, роль страха в формировании социальной и политической идентичности и его использование в медиа. Участники говорили о том, как проявляется и работает понятие «страха» на примере анализа разных материалов: от литературных произведений до новостных заметок, плакатов и кинокартин.

Мероприятие было построено в формате трехдневного фестиваля, включавшего научные доклады, литературные чтения, встречи с переводчиками хоррора и мистики, кинопоказы, экскурсию и вечер настольных игр. Такой подход не только способствовал исследованию культурного феномена, но и позволил участникам самим погрузиться в атмосферу страшного.

Первый день конференц-феста в клубе *Big Ben* начался с музыкального видеопредставления, озаглавленного «*Архетипы ужаса в видеоклипах 1980-х*». Участникам были продемонстрированы видеоклипы групп *Bauhaus*, *Blue Oyster Cult* и *The Cure*, которые раскрывали ключевые образы хоррор-культуры. Источником вдохновения для этой части послужила теория Стивена Кинга о четырех архетипах ужаса, которые он выделил в своих лекциях о хорроре еще в 1980-х годах. По Кингу, все ужасные истории можно свести к четырем базовым архетипам: Вампир, Призрак, Оборотень и Безымянная тварь. Эти архетипы, как подчеркивал сам Кинг, составляют основу любой ужасной истории, создавая универсальные образы, знакомые каждому читателю и зрителю.

После видеопозакази начались литературные чтения, которые поэт и филолог Роман Гурский традиционно проводит в Твери в канун 31 октября. Эта часть объединила разнообразные стратегии представления страшного в литературе. Тексты, с которыми выступили участники, демонстрировали четыре основные стратегии интерпретации страшного: как «уютного», «сентиментального», «психоделического» и «запредельного». Это позволило рассмотреть феномен страха в его многогранности. «Уютное» страшное, показывающее угрозу в рамках привычного мира, нашло свое выражение в произведении Э.Ф. Бенсона «Храм», перевод которого выполнила Анастасия Липинская (СПбГЭУ), а также в авторском «краеведческом» рассказе «Вокруг чудовища», прочитанном Мариной Батасовой (Тверской союз литераторов). «Запредельное», предполагающее выход за границы привычного опыта, звучало в рассказе К. Якоби «Майв», переводчиком которого выступил Александр Сорочан (Тверской государственный университет). Рассказ Б. Пейна «Линда», прочитанный Александром Глазыриным (независимый переводчик), также раскрывает категорию запредельного в оригинальной интерпретации классического сюжета о проклятии. «Психоделическую» трактовку страшного, связанную с искажением восприятия и разрушением пространственно-временных связей, можно было обнаружить в выступлениях историка-медиевиста Григория Бакуса (независимый исследователь) — «археологический» рассказ «Господин Маннерлих»; Ольги Нек (независимая участница) — она читала рассказ В. Дорошевича «В аду»; и Сергея Доброхвалова (Тверская ГСХА) — он выбрал для интерпретации фрагмент из «Вия» Н.В. Гоголя. «Сентиментальное» страшное, акцентирующее внимание на страхе, связанном с утратой и воспоминаниями, проявилось в стихотворении Г. де Мопассана «Ужас», которое прочитал Алексей Горобий (Тверской государственный университет), а также в стихотворении Ф.С. Дэвис и рассказе Саки (Г.Х. Манро), представленных Романом Гурским (независимый переводчик). Ли-

тературные чтения показали, как разнообразны стратегии создания страшного, обогатив восприятие ужаса как многослойного феномена.

Заключительной частью первого дня конференц-феста стала лекция *Александра Сорочана «Самое страшное кино»*, посвященная одному из самых значительных хорроров в истории кинематографа — «Чужому» Ридли Скотта (1979) — и последовавшему за ней кинопоказу. На протяжении десятилетий «Чужой» занимает лидирующие позиции в мировых рейтингах фильмов ужасов, хотя современный зритель может воспринимать его менее пугающим по сравнению с тем, как его восприняла аудитория на момент выхода картины. Однако феномен «Чужого» заключается не столько в эффектах, сколько в глубокой концепции и новаторском подходе, сделавшем его классикой жанра. Лекция была посвящена идее фильма, сценарному воплощению и сложному пути реализации проекта. Сорочан подробно остановился на сценарии, который стал результатом многократных пересмотров концепции и взаимодействия между сценаристами, студией и режиссером. Сценаристы Дэн О'Бэннон и Рональд Шусетт создали сюжет, в соответствии с которым герои-маски сталкивались с непреодолимым ужасом, выраженном в архетипическом монстре — Чужом (агрессивное инопланетное существо, которое выслеживает и убивает экипаж космического корабля). Однако студийные требования по «очеловечиванию» персонажей неожиданно изменились, когда центральным элементом уникальной эстетики фильма стали работы Ганса Рудольфа Гигера.

Второй день конференц-феста был ознаменован научными чтениями, которые прошли в тверском клубе «Ролевой чердак». Тематическое разнообразие докладов отражало многогранность темы страха, объединяющей разные дисциплинарные подходы. Исследователи обсуждали, как ужас и тревога проявляются в литературе, кино, музыке и медиа, демонстрируя, что страх — не только базовая человеческая эмоция, но и важный культурный феномен.

Тематика докладов утренней секции варьировалась: от сравнительно-исторического анализа классических текстов до современных интерпретаций страха в медиа и литературе; был предложен широкий обзор актуальных направлений в изучении заглавного феномена.

Заседание открыл доклад *Константина Позднякова* (Самарский университет) «*О, жуткий внутренний мир, или «приоткрытая завеса» в произведениях Д. Эллиот, З. Гиппиус и А. Зарина*». Докладчик обратился к сравнительно-историческому анализу трех новелл: Д. Эллиот «Приоткрытая завеса», З. Гиппиус «Вымысел» и А. Зарина «Дар Сатаны». Эти новеллы объединяет образ открывающегося перед персонажами внутреннего мира других людей или будущего. Поздняков углубился в поэтику каждого из текстов и продемонстрировал, как этот образ менялся в зависимости от культурного контекста и авторского замысла. Также он попытался описать генезис указанного образа и рассмотрел то, как в фантастической литературе, начиная с готического романа, изменялся образ «дара-проклятья», и проанализировал различные варианты понимания этой смысловой единицы.

Ксения Белозёрова (Тверской государственной университет) в докладе «*Ужасы прошлого в повестях Тургенева*» обратилась к анализу темы ужаса в прозе писателя, сосредоточив внимание на его повести «Призраки». Докладчица отметила, что тема ужаса характерна для «таинственных» повестей И.С. Тургенева. В их основе лежат странные, нередко фантастические события, в которых сочетаются возможное и невозможное, реальное и фантастическое. Герои «таинственных повестей» — люди, обладающие ярко выраженным болезненным воображением и обостренно-эмоциональным восприятием жизни, что предопределяет особое отношение ко времени и особое восприятие временных границ, пересечение которых вызывает у героев ужас, в том числе связанный с вторжением из прошлого в на-

стоящее. Перемещение во времени в «Призраках» (в отличие, например, от готической прозы) не связано с вторжением тайн прошлого в настоящее; герой, оказавшись в прошлом, утрачивает ощущение «себя». Особое внимание в докладе было уделено методу «тайной психологии» писателя, где понимание природы таинственного сопряжено с философскими категориями.

Татьяна Белова (Тверской государственный университет) представила доклад «*Страшная красота*» *Андрея Наврозова*. В центре изучения оказалось понятие «красоты» в интерпретации писателя Андрея Наврозова, более известного переводами Б. Пастернака на английский язык. Докладчица показала, как красота, изображенная в текстах, становится силой, которая не только привлекает, но и разрушает внутренний мир мужчины. Белова обратилась к определению страха, предложенному К. Изардом в книге «Психология эмоций», где страх трактуется как реакция на угрозу, способную нарушить спокойствие, снизить самооценку или привести к внутренним потерям. Именно такой аспект страха прослеживается в стихах Наврозова: женская красота становится символом эмоционального разрушения и садомазохистской привязанности. Лирический герой сталкивается с женщинами, предавшимися капризам и продажной любви, что подрывает его самооценку и внутреннюю стабильность. Основной посыл поэта — это признание в красоте страшной силы, способной кардинально изменить внутренний мир человека.

Никита Синявский (Тверской государственный университет) выступил с докладом «*Эротграфия Фобоса: рассказы Михаила Елизарова*». В центре исследования оказались такие тексты писателя, как «Фобия», «Почему не удавили детской шапочкой...» и «Жертва», которые Синявский анализировал сквозь призму единства сакрального и телесного. Он отметил, что в прозе Елизарова женское тело часто ассоциируется с демоническим миром, вызывая страх и трепет у героев. Используя концепции Ю. Кристевой и В.П. Руднева, докладчик рассмотрел антитезу мужского и женского как основу страха, причем как страха перед сакральным, заключенным в женщине и доступным только ей. Интересный тезис о приоритете мужского начала, воплощенный в прозе Елизарова, достаточно важен для актуальных трактовок «борьбы со страхом» в современной России. Вместе с тем агрессивная маскулинность оказывается в текстах писателя уязвимой и утверждает себя только насилием.

Светлана Еланская (Тверской государственный университет) в докладе «*Учительский хоррор*» в *российском кино в структуре социально-культурных изменений*» исследовала роль образа учителя в конструировании ужаса и кошмара в отечественном кинематографе. В качестве методологической основы она обратилась к концепции Д. Хапаевой, связанной с феноменом кризиса темпоральности, характерного для 1990-х годов. По выводам Хапаевой, изменения в восприятии времени создали благоприятные условия для интеграции кошмара в массовую культуру, что проявилось, в частности, в позднесоветском и раннем постсоветском кино. Докладчица отметила, что учительский хоррор отражает все приметы этого кризиса, включая ощущение временной разорванности и социальной нестабильности. В рассмотренных фильмах — «Дорогая Елена Сергеевна», «Простой карандаш» и «Змеиный источник» — образ учителя сочетает элементы консервативного и пугающего. Учащиеся, в свою очередь, становятся как источником нарастающего кошмара, так и силой, способной развеять тьму, даже ценой самопожертвования. Особое внимание привлек оригинальный анализ популярного фильма В. Котта «Карп отмороженный», в котором именно с учительским статусом главной героини связаны все элементы хоррора.

Доклад *Ольги Борисовой* (Тверской государственный университет) «*Человек перед лицом непознанного: страх и иллюзии в песнях группы “Король и Шут”*»

стал мостиком между литературой, музыкой и философией. Докладчица исследовала феномен страха перед непознанным в текстах песен группы «Король и Шут», опираясь на концепцию фантастического Ц. Тодорова и «зловещего» З. Фрейда. Особое внимание Борисова уделила мистическому страху, возникающему на границе между реальным и сверхъестественным, а также внутреннему конфликту героев, столкнувшихся с необъяснимым. На примерах песен «Сапоги мертвеца», «Лесник», «Вор, граф и графиня» и «Ведьма и Осел» было проанализировано, как обыденное трансформируется в пугающее и как страх перед внешними силами переплетается с ужасом перед темной стороной собственной личности. После доклада участники дискуссии пришли к выводу, что уникальное место группы в современной культуре связано не столько с текстами, в которых используются стереотипные образы и сюжетные схемы, сколько с сочетанием фольклора, готической литературы и мифологии в цельном сценическом образе исполнителей.

Иван Сапогов (РГГУ, Москва) выступил с докладом «Скрытый безумец как зловредный персонаж: опыт антропологической герменевтики двух текстов современного нонфикшена», в котором обратился к двум текстам: «Бойся, я с тобой» Тани Танк и «Три года в аду: как Светлана Богачёва украла мою жизнь» Тани Щукиной. Несмотря на различную жанровую принадлежность — первый текст представляет собой популярное изложение признаков перверзного нарцисса, склонного к абьюзу, и служит тому, чтобы женщины и девушки остерегались связи с ним, а второй является мемуарным повествованием об опыте жизни с психопаткой, — произведения объединены общей темой образа опасного другого. Сапогов сразу отметил, что оба текста написаны «слабо» с точки зрения художественного качества. Однако он подчеркнул их значимость как примеров современной репрезентации образа опасного безумца. Докладчик также отметил, что абьюзер и аферистка, фигурирующие в этих произведениях, исполняют роль зловредных персонажей, вызывающих страх и отвращение. Этот тип героя возвращает к обсуждению темы безумца как угрозы, что, по мнению Сапогова, отражает современные культурные тревоги. Он связал эти образы с теорией «жуткого» З. Фрейда и исследованиями психической нормы и ее разрушения. Несмотря на художественные ограничения, эти произведения представляют интерес как примеры современного осмысления нормативных границ в массовом сознании.

Утренняя секция завершилась докладом «Слово “страх” в российских медиатекстах (на материале центральных и региональных СМИ)», который представил *Евгений Петренко* (Тверской государственный университет). Докладчик проанализировал роль и контексты употребления концепта «страх» в центральных и региональных СМИ. Он отметил, что медиадискурс активно использует категории страха и насилия для привлечения аудитории, что обусловлено конкурентной средой и стремлением редакций увеличить просмотры и повысить рейтинг публикаций. Петренко рассмотрел текстовые стратегии, формирующие коммуникативные «маски» страха, такие как вина, неопределенность, опасность и отчуждение, которые активно используются в рекламе, пиар-текстах и интегрированных маркетинговых коммуникациях. В докладе были выделены две основные группы контекстов употребления слова «страх»: как фразеологический элемент и как существительное в его прямом значении. Анализ медиатекстов показал, что подобные стратегии не только привлекают внимание, но и формируют у аудитории новые фобии и тревожные состояния.

Вечерняя секция второго дня была посвящена не столько описаниям многообразных проявлений ужаса в литературе, кино, искусстве и медиа, сколько опытам классификации ужаса. Классические тексты, как и явления современной культуры, открывают немало возможностей для построения подобных типологий.

Светлана Васильева (Тверской государственный университет) представила «Типологию страшных сюжетов Э.А. По». Докладчица рассмотрела ключевые мотивы ужаса в рассказах писателя. Она выделила два основных источника страха в текстах По: внешние опасности, такие как угроза жизни, захоронение заживо и нарушение границ между жизнью и смертью, и внутренние страхи, связанные с утратой личности и глубинами подсознания. Васильева отметила, что внутренняя бездна, с которой сталкиваются герои По, вызывает у них больший ужас, чем физическая угроза. Такие сюжеты, как воскресение в двойнике (рассказы «Морелла» и «Лигейя»), служат примером того, как писатель исследует пределы человеческого бытия.

Сергей Потемкин и Галина Кедрова (оба — МГУ, Москва) выступили с докладом «“Страшное” у Чехова». Они проанализировали произведения А.П. Чехова «Ночь на кладбище», «Сапожник и нечистая сила» и «Страшная ночь», в которых писатель с юмором обыгрывает мистические и пугающие ситуации, предоставляя в финале обыденное объяснение сверхъестественным явлениям. Докладчики обратили внимание на то, как Чехов использует страх в качестве средства раскрытия характеров героев, описывая их эмоциональные реакции в моменты тревоги. Особое внимание было уделено рассказу «Страхи», в котором отражена природа обывательского ужаса: нарастание тревоги перед необъяснимым явлением — огоньком на колокольне — приводит к нерациональным поступкам героев, что наглядно демонстрирует психологическую тонкость чеховских текстов. Страхи у Чехова часто лишены рациональной основы, однако их описание всегда остается точным: автор раскрывает их психологические механизмы, делая акцент на деталях, которые усиливают эффект тревоги. Писатель показывает, как страх, будучи нерациональным по своей природе, может захватить воображение и управлять поступками, как иррациональные эмоции могут побуждать к неразумным действиям.

Алексей Горобий в своем докладе «Сюжеты о привидениях в немецкой литературе: понятийный аспект» обратился к истории формирования понятия «привидение» (*das Gespenst*) в немецкой культуре. Он рассмотрел, как в литературе эпохи романтизма образ привидения трансформировался от фольклорного духа до литературного персонажа, приобретающего психологическую глубину. Анализ «страшных историй» по критерию запрограммированной эстетической рецепции обнаруживает три «ступени страха», характеризующиеся тремя понятиями немецкого языка: 1) *Grusel* (легкая боязнь), 2) *Schauer* (собственно, «страх») в сочетании с понятием «жутки» (*das Unheimliche*), имеющим психоаналитические коннотации, и 3) *Horror* (ужас). Горобий подробно остановился на том, как взаимодействие христианской религиозности и языческих мотивов, а также семантическая насыщенность понятия «привидение» сформировали богатую традицию немецкой литературы, отражающую комплексное понимание категории «страшного».

Доклад Анастасии Липинской «“Неподдельный интерес и столь же неподдельное любопытство”: об авторских стратегиях А. Блэквуда» стал ярким примером литературоведческого анализа готической литературы. Докладчица рассмотрела новеллу А. Блэквуда «Противостояние» (в оригинале «With Intent to Steal»), которая демонстрирует минималистичный подход к изображению сверхъестественного. Липинская отметила, что фирменный стиль Блэквуда основан не на обилии ужасающих образов, а на постепенном нагнетании тревожной атмосферы, вовлекающей читателя. В докладе было показано, что индивидуальность авторского почерка Блэквуда сочетается в рассказе с комплексом традиционнейших для *ghost stories* мотивов (чернокнижник-самоубийца, дом с привидениями, спор скептика и энтузиаста).

Илья Крутов (Тверской государственный университет) выступил с сообщением «Опасные враги и страшные друзья на плакатах гражданской войны», показав, как агитационные плакаты стали важным инструментом информационной

войны. Он отметил, что пропаганда, начиная с XIX века, активно использовала плакат для демонизации врагов и мобилизации общества. В условиях Гражданской войны в России плакат превратился в мощное средство воздействия, сочетая простоту восприятия, оперативность распространения и выразительность образов. Докладчик подчеркнул ключевое различие в подходах красных и белых к визуальной пропаганде. Большевистские плакаты создавали не только устрашающий образ врага — буржуя и белогвардейца, но и возвеличивали героя-победителя — красного богатыря, символизирующего доблесть и победу. Эти образы использовались для устрашения противника и укрепления морального духа своих сторонников. В отличие от этого, белогвардейская пропаганда ограничивалась созданием гротескных образов опасных врагов, но единый устрашающий герой-защитник, способный вдохновлять, у них отсутствовал. Доклад продемонстрировал, как большевики, преуспевшие в визуальной и идеологической консолидации, смогли доминировать не только на военном, но и на информационном фронте, воздействуя на массовое сознание через страх и надежду.

Дато Долидзе (Тверской государственный университет) в докладе «*Элементы хоррора в сеттинге ролевых игр*» рассмотрел взаимодействие жанров и сеттингов в настольных ролевых играх. Он отметил, что эти игры, как правило, используют определенные жанровые рамки и миры, чтобы обеспечить игрокам и мастерам максимальное погружение. Однако, по словам докладчика, элементы хоррора можно успешно внедрить даже в сеттинги, далекие от классического ужаса, например в сказочные миры. Долидзе подчеркнул, что для достижения убедительного эффекта такие элементы необходимо тщательно адаптировать, чтобы они органично смотрелись в выбранной игровой реальности (например, сеттинг *Forgotten Realms* [«Забытые Королевства»] из ролевой игры *Dungeons & Dragons* [«Подземелья и Драконы»]). Процесс требует серьезной подготовки, но позволяет добиться качественного результата, который обогатит игровую атмосферу и усилит ее эмоциональное воздействие.

В заключительном докладе «*Фантастика и хоррор: проблема жанровых дефиниций и творчество Карла Якоби*» *Александр Сорочан* обратился к исследованию границ между фантастикой и ужасом — к категориям, которые часто оказываются труднодоступными для точной жанровой верификации. Докладчик подчеркнул, что пространство фантастического является нейтральной полосой между приятием и неприятием реальности, где пересекаются элементы странного присутствия и странного отсутствия. Сорочан проанализировал рассказы К. Якоби (автора из круга Г.Ф. Лавкрафта), в которых научные теории вторгаются в повседневное существование, а персонажи, оказавшись в другом мире, не находят пути назад. Он отметил ключевой принцип для Якоби — сочетание фантастических героев с реалистичным фоном или наоборот. Представление о фантастике как выходе за границы и о хорроре как вторжении «с другой стороны границы» докладчик развил весьма подробно; Якоби попытался объединить обе модели — и потерпел неудачу, но это был увлекательный эксперимент и исключительно плодотворный опыт, впрочем, недостаточно востребованный; тексты Якоби мало известны даже на родине автора в США.

Завершающим событием второго дня конференц-феста стала встреча с переводчиками хоррора и мистики в букинистическом магазине «Что делать?». В дискуссии приняли участие *Александр Глазырин* и *Анастасия Липинская*, беседу модерировал *Александр Сорочан*. Тема встречи — «*Жанровая литература и издательский мейнстрим*» — привлекла внимание как исследователей, так и любителей жанра. Формат живого общения позволил не только задать вопросы профессионалам, но и услышать о специфике их работы и личных подходах к переводу.

Липинская подчеркнула, что книги не делятся строго на жанровые и нежанровые, качественные различия гораздо сложнее охарактеризовать. Она отметила, что жанровая литература заслуживает внимания, поскольку может сочетать популярность и литературную ценность. Переводчица также рассказала о своем опыте и о работе с редакторами, которые порой диктовали маркетинговые решения, далекие от оригинальных текстов.

Глазырин, в свою очередь, отметил, что для него в переводе важна не жанровая принадлежность, а уровень литературного мастерства. Он рассказал о своем опыте работы с «Иностранной литературой» и издательством «Рипол-классик», о переводах мистических рассказов Уолтера де ла Мара и Редьярда Киплинга. Переводчик подчеркнул, что готика как элемент присутствует даже в высокой прозе, на что указывает вышедший под его редакцией перевод «Другого дома» Генри Джеймса.

На встрече обсуждалась тема взаимодействия с искусственным интеллектом в переводческой практике. Здесь участники проявили единодушие: они выразили скепсис по отношению к современным технологиям, подчеркивая, что стилистические тонкости, контекст и авторские особенности не поддаются машинному анализу. Липинская отметила, что ИИ пока не справляется с передачей идиом и контекста, а Глазырин подчеркнул, что поэтические и стилистические тонкости остаются для нейросетей непреодолимым барьером.

Встреча завершилась рассказами о профессиональных мечтах. Липинская призналась, что хочет написать книгу о готической новелле, Глазырин же — создать полноценный корпус текстов Уолтера де ла Мера на русском языке и выпустить том художественной прозы Томаса де Квинси, включающий его готический роман «Клостерхейм» и хоррор-повести. Эта насыщенная беседа стала важным дополнением к конференц-фесту, подчеркнув роль перевода в популяризации жанровой литературы и ее интеграции в актуальный литературный контекст.

Третий, заключительный день конференц-феста был посвящен интерактивным и культурно-просветительским мероприятиям — тематической экскурсии «Темная сторона Твери: ужасы и преступления» и вечеру страшных игр, — которые позволили участникам увидеть мир ужаса с новых сторон.

«Страшные чтения» призваны стать уникальной площадкой для обсуждения связи человека и страха, подчеркивая многослойность и универсальность этого чувства. Участники первого конференц-феста смогли показать, что страх — не только базовая эмоция, но и мощный культурный инструмент, формирующий восприятие мира и взаимодействие с ним. Литература, кино, музыка и искусство используют страх как способ понять и выразить глубинные психологические процессы, социальные противоречия и культурные нормы. В 2025 году по итогам конференц-феста был выпущен сборник статей и материалов².

Противопоставление рационального и иррационального, личного и коллективного, видимого и скрытого — все эти грани страха оказались в центре внимания участников. Выступления и дискуссии позволили проследить, как «страх», переходя с индивидуального уровня на коллективный, становится частью социальных структур и идеологических стратегий. «Уютное» и «сентиментальное», «психоделическое» и «запредельное» — каждая из этих стратегий страшного напомнила о том, что человек всегда находится в диалоге с неизвестным, опасным и необъяснимым.

Ольга Борисова

2 Страшные чтения: Статьи и материалы / Ред. А.Ю. Сорочан. Тверь: Альфа Пресс, 2025.